

Правда "сурового стиля"

Моя встреча с Андреем ВАСНЕЦОВЫМ откладывалась несколько раз — художнику нездоровилось, да и интервью он давать, похоже, не любит. Наконец, я пришел в его мастерскую. Андрей Васнецов — народный художник СССР, действительный член Российской академии художеств, лауреат Государственной премии СССР. Внук знаменитого русского живописца Виктора Михайловича Васнецова, он родился в 1924 году. В сорок втором прямо со школьной скамьи ушел на фронт, войну закончил в Кенигсберге. В 1946 году поступил на монументальный факультет Московского института прикладного и декоративного искусства. Диплом защитил с высшей оценкой. Один из лидеров шестидесятников. При этом Андрей Васнецов никогда не подстраивался ни под какие направления, какими бы модными или "современными" они ни были. Он всегда оставался самим собой.

— Что вы считаете главным в искусстве?

— Работу над формой произведения, работу над тем, как перевести наш пространственный и временной мир, находящийся в вечном движении, в двухмерную плоскость и при этом сохранить композицию и живость оригинала, то есть натуры, природы. Эта бесконечная работа, сейчас, к сожалению, не модная, и одному человеку за его жизнь она не под силу. Старые мастера целыми поколениями вырабатывали блестящий подход к форме.

— Старые мастера? Кого вы имеете в виду?

— Великих художников XVII — начала XIX века. Затем началось падение европейского искусства. Тогда же изменилось и отношение к форме.

В искусстве важна не выдумка, пусть самая интригующая, даже не художественность, не правдоподобие, а именно правда. Только правда. После Второй мировой войны в европейском искусстве появилось неореалистическое направление. Не только в итальянском кино — среди художников тоже. Но у нас это направление не пошло. Не только потому, что начальство всегда не любит правду, но и народ ее не принял.

Художникам, вступающим на путь искусства, следовало бы давать клятву в следовании истине, подобную клятве Гиппократу у врачей.

— Отвечало ли движение шестидесятников, в котором вы принимали активное участие, этой клятве?

— Думаю, что отвечало. Например, у Гелия Коржева, художника, по-моему, во многом непонятого. У него есть прямая связь с итальянским неореализмом, у нас это — "суровый стиль". Вспомните его картину "Влюбленные". Но вообще "суровый стиль", который проповедовали шестидесятники, не дал нашему искусству всего того, что он мог бы дать. Многие художники, которые в шестидесятые годы работали в "суровом стиле", потом, к сожалению, отошли от него.

— Кто, по вашему мнению, более всего следовал "суровому стилю"?

— Николай Андронов, Павелников, в несколько академическом понимании Гелий Коржев... Художники они совершенно разные. Но говорить правду можно в различных манерах, и у каждого художника она должна быть своя. Правда настолько многообразна, что вместит в себя

тысячу разных манер выражения, тысячу самых различных индивидуальностей, которые она будет лишь подчеркивать. Это не только факт истины, но прежде всего мироощущение художника, его отношение к действительности. Это умение создавать правдивый и в то же время возвышенный образ.

— Вы до сих пор остаетесь приверженцем "сурового стиля"?

— Был и поныне остаюсь.

— Когда Хрущев грошил выставку "30 лет МОСХ" в Манеже, вам от него тоже досталось...

— Досталось. За картину "Завтрак". Что на ней изображалось? За столом сидит мальчуган, перед ним — пустая кружка. Вот и набросились на меня за то, что я, дескать, показываю... продовольственные трудности в нашей стране. У Николая Андропова сняли из экспозиции картину о новобранцах, призываемых в армию. Словом, в наших работах всячески старались найти какой-нибудь антисоветский замысел. На споры я не стал тратить время, а с головой ушел в монументальное искусство. А станковые картины не показывал на выставках.

В то время я сделал много интересных монументальных работ — больших мозаик, настенных росписей, gobеленов, декоративных фонарей... Государственную премию СССР получил вместе с Николаем Андроновым за мозаику "Человек и печать" в здании редакции газеты "Известия".

— Но вы продолжали писать и станковые картины?

— Преимущество. А монументальными работами заниматься уже трудно — возраст, силы не те. Вообще истинное искусство — это неизмеримо тяжелый труд. Совершенно справедливо Павел Дмитриевич Корин говорил, что искусство — это подвиг! Таким подвигом он, например, считал "Гернику" Пикассо. А ведь, казалось бы, они были такими разными, несхожими художниками!

— Как вы относитесь к авангарду?

— Настоящий авангард — это Пикассо. А когда сто раз повторяют уже хорошо знакомое — какой это, простите, авангард?! Так и хочется иногда сказать: "А король-то голый!"

— Над чем вы сейчас работаете?

— Пишу семейный портрет Николая Андропова. А еще портрет врача Зои Яковлевны Ковалевой. К сожалению, посмертный. Но я ее хорошо знал, и она очень хотела, чтобы я написал ее портрет. И я выполняю ее волю. Сделал вольную копию с черно-белой репродукции картины Франсиско Сурбарана, испанского живописца XVII века.

— Готовитесь ли к персональной выставке?

— Да. Предыдущая состоялась в 1987 году. У меня для нее пока мало работ. Но много эскизов. Что успею сделать, то и покажу.

Сейчас же я устроил выставку работ своего умершего сына Федора Васнецова — она открыта в музее-усадьбе "Абрамцево". Он был, по всеобщему мнению, неординарным явлением в искусстве. Он совсем не похож на меня — его творчество было совершенно другим. В его картинах было что-то от Ван Гога. Выставка его работ и стала сейчас главным для меня делом. Ну уж потом устрою и свою.

А.Васнецов. "Завтрак". 1960 г.